

Однажды вечером г-н Арно привел во дворец Рамбуйе маленького Боссюе из Дижона (ныне это — аббат Боссюе, славящийся своим ораторским искусством), дабы поразвлечь Маркиза его проповедями (проповедовать Боссюе начал с двенадцати лет). Вуатюр сказал: «Никогда не видел, чтобы проповедовали так рано и так поздно».

Во время осады Парижа Саразен написал в стихах письмо к г-ну Арно, не обращаясь к нему по имени и называя его *mareschal*, ибо Арно был в ту пору *mareschal-de-camp*.¹³ Это слово попало в обиход, и, поелику в то время печатали решительно все, письмо было опубликовано под заглавием: «Тень Вуатюра — маршалу де Граммон». Г-жа де Сенто после этого вбила себе в голову, что Вуатюр не умер (это только доказывает, что она не присутствовала при его смерти), приводя в качестве довода, что только Вуатюр мог так написать.

Шаплен

Шаплен — сын парижского нотариуса; он был гувернером-наставником сыновей г-на де Ла-Трусса, Великого прево. Бутар говорит, будто для пущей важности Шаплен послал шляпу — и даже перестав быть наставником детей прево, по-прежнему не расставался с нею. Родители Шаплена, не зная, как заставить сына снять шляпу, попросили Бутара с ним поговорить, но тот вместо уговоров пошел на хитрость: он выдумал, будто кто-то, якобы вызванный на дуэль, просит Шаплена быть его секундантом, и наш Шаплен тотчас же повесил шляпу на гвоздь.

Он стал бывать во дворце Рамбуйе в пору начала осады Ларошелля. Г-жа Рамбуйе говорила мне, что одевался он так, как одевались лет десять тому назад: носил атласный кафтан сизо-голубиного цвета, подбитый зеленым плюшем и отороченный узкою басонною тесьмою, сизо-голубой или зеленой в крапинку. На нем всегда были велепейшие сапоги с нелепейшими отворотами, вместо кружева он носил тюль. Впоследствии, даже в черном платье, он выглядел также дурно: мне думается, что у него сроду не было ничего нового. Маркиз де Пизани не помню уж в каких стихах — сейчас они утеряны — говорил:

Я в вожеласовых чулках
И в башмаках Шаплена.

Хотя парик и шляпа у него были старые-престарые, дома он носил еще более засаленный парик и еще более затасканную шляпу. После смерти его матери я видел на нем траурную повязку, до того выцветшую, что она превратилась в желтую. Помнится, он носил куртку из черной тафты в крапинку; не иначе как она была сшита из старой юбки его сестры, у которой он живет. В комнате у него можно помереть с холоду, камня он почти не топят.